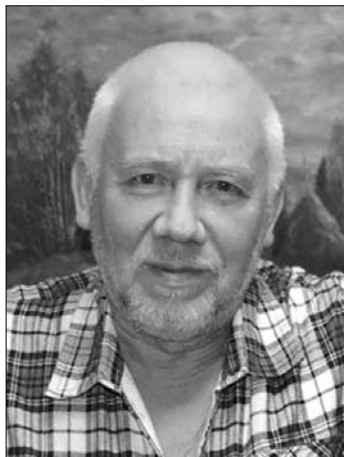

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ИЗ ЖИЗНИ В ЖИЗНЬ

МОЛЯСЬ, ТВЕРЖУ СВОЁ

Через пургу и непогоде
идём навстречу торжеству
сквозь пасмурное Новогодье
к сияющему Рождеству.
Христос-Младенец тянет руки
к звезде,

вдруг вспыхнувшей во мгле,
не зная, чрез какие муки
пройти придётся на земле.
Он всё пройдёт — Спаситель мира,
чтоб наши искупить грехи.
Ни Церкви нет ещё,

ни клира,
лишь Вести внемяют пастухи.
Я, может, лишнее дозволя,
молюсь

и вновь твержу своё:
хотя на всё Господня воля,
мы — исполнители её.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Закончил семинар Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор двенадцати поэтических сборников, книги прозы “Всего-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове (Вятке), а с апреля по октябрь — в лесном посёлке Разбойный Бор.

Отшумели бурно страсти.
Мне уже не двадцать пять.
Только так не смог я власти
научиться доверять.
Гляну в небо
и немею:
вся страна — ракетный щит! —
ну, а жизнь моя над нею
лёгким пёрышком летит...

СВЕТ ПОБЕДЫ

Извращают праздник наш лукаво:
предстоит немало сделать нам,
чтоб и мы поднять имели право
боевые честные сто грамм.
Мы всё больше понимаем это
даже в дни печалей и обид:
от Победы нашей столько света,
что всех наших недругов слепит.
И сегодня в бурном мире нервном
под прицелом, словно под огнём,
как из окруженья в сорок первом,
из беды выходим мы с трудом.
Нас ведёт Победы нашей дата.
Надо, чтобы свет её не гас
и всем тем, кто брал Берлин когда-то,
ныне стыдно не было б за нас.

ЧТО НАДО РУССКОМУ ПОЭТУ

Ах, если бы возможно было это!
Я в общежитской комнате пустой
подвинул бы озябшему поэту
стакан вина и булку с колбасой.
Затем бы долго, пристально и молча
смотрел, как жадно он к еде приник,
как, словно на загривке шерсть — по-волчьи,
топорщится пиджачный воротник.
Кто виноват?
Кого призвать к ответу?
Где верный путь?
В чём сущий смысл всего?
Как мало надо русскому поэту,
зато так много спросится с него.
Пусть он поест и посидит спокойно,
пусть пот на лбу проступит, как роса,
чтоб смерти, революции и войны
оставили его на полчаса.
Что видит он, какие ловит звуки,
что вспомнил и задумался о ком?
Он тихо греет над стаканом руки,
как будто это кружка с кипятком.
Он из толпы вокзального народа —
на сапогах слой глины и песка.
А за окном — холодная погода,
а за стеной — холодная Москва.

А во дворе — то ямы, то траншеи:
не то ремонт, не то весь дом под снос...
Он шарфик замотает вокруг шеи,
как будто его гонят на мороз.
Как будто его гонят по этапу
сквозь дождь и снег, и через всю страну
под песенку про маму и про папу,
в детдоме сочинённую в войну.
Кто и зачем так гнал его по свету
сквозь эти обездоленные дни?..
Как мало надо русскому поэту:
“Россия,
Русь!
Храни себя,
храни!..”

ПРОВОД ПОД ТОКОМ

*Коллеге-журналисту молодёжной
газеты времён распада страны*

В дни,
когда хоронили вождей,
приходилось работать ночами.
Ты сейчас понемногу налей,
чтобы вспомнить,
что прожито нами,
чтоб своих помянуть,
кто ушёл —
эта память,
как провод под током:
“молодёжки” затоптанный пол,
сквозняки из распахнутых окон.
Как легко нам писалось тогда,
как леталось в бушующей шири!
Даже если случалась беда,
мы грехи замолить не спешили.
Так пойдём собирать звонарей
в недостроенный храм с колокольней.
В дни,
когда хоронили вождей,
было как-то на сердце спокойней.
А сейчас оно то ли болит,
то ли слишком растерянно бьётся...
Вот рука.
Вот стакан.
Он налит...
Только что ж нам, как прежде, не пьётся?!

ВСЕГДА

Темнеет к нóчи, а к утру светает.
То выпал снег, то снова дождик льёт.
Как жаль, что эта красота растает...
Как радостно, что новая придёт...
Вот так всегда — то холодно, то сырость...
Так не ворчи, а тихо помолись,
чтоб это никогда не прекратилось:
из года в год, вовек, из жизни в жизнь.